

ПИСЬМА ИННЫ РОСТОВЦЕВОЙ

В нашу студенческую пору (рубеж 60–70-х) филологи не могли пройти мимо статей в «Литературной газете» двух выдающихся критиков – Ирины Роднянской и Инны Ростовцевой. Также мы сочли бы невеждой студента, не знакомого с книгой Ростовцевой о Заболоцком. Известно, что именно она ввела, что называется, в литературный обиход стихотворения Алексея Прасолова, открыла это имя читателям поэзии.

В позапрошлом году давний товарищ Владимир Мисюк написал, что стихи мои заинтересовали Инну Ивановну Ростовцеву. Она просит прислать ей книгу стихотворений. Разумеется, я был тронут, но и, скажем так, тревожно взволнован: как будут приняты мои сочинения. Я отправил бандероль по указанному адресу.

И через месяц получил письмо, написанное от руки, с подробным разбором (или анализом) моих стихотворений. Тогда я рискнул послать ей последний сборник «Присутствие». И опять был удостоен подробным ответом. Она писала, что я могу по своему усмотрению распорядиться этими текстами. В «Юности» № 1 2023 моя подборка сопровождается её вступительным словом.

Но что делать с письмами? Как-то останавливало то, что я готов похвалиться тем, как много добрых слов мне адресовано. Но однако же, я не призываю принять её оценку как истину в последней инстанции. У постоянных читателей нашего журнала есть своё мнение о моих стихах. И ещё одно обстоятельство позволяет решиться на публикацию. Только что мне исполнилось 75. В такую пору следует подводить итоги. Можно назвать их предварительными, чтобы не звучало так безумешно.

Владимир КРЮКОВ

05–07.09.2022

Дорогой Владимир Михайлович!

Где-то я прочитала: судьба есть череда удивительных совпадений (мне очень нравится это определение). Так это и произошло в Вашем случае.

В журнале «Литературная учеба», в котором я раньше печаталась (хороший был журнал), мне попала на глаза подборка стихотворений неизвестного мне поэта Владимира Крюкова с кратким предваряющим её словом Кушнера. Мастер не так часто пишет о своих современниках. Это обязывало к внимательному чтению. Моё восприятие Ваших стихов совпало с кушнеровским и его оценкой. Скажу точнее: я сразу почувствовала (именно так!), что Вы из

той породы «русских второстепенных поэтов», в которых автор этого понятия и одноимённой статьи Николай Некрасов угадал и разглядел Тютчева.

В своей творческой практике критика я, как теперь понимаю, по мере своих сил всегда старалась не дать столичному верхоглядству пройти мимо, не заметить или даже растоптать неизвестное имя талантливого «русского второстепенного поэта», ввести его в контекст большого времени культуры (так было с Алексеем Прасоловым, Олегом Чухно, Владимиром Державиным, Владимиром Коробовым, Юрием Марковым и многими другими).

Вероятно, история, о которой я рассказываю, не имела бы продолжения. Если бы 10 лет спустя, а может быть и больше, после первого знакомства с Вашими стихами, я в недавнем августе, невыносимо жарком, после больницы, не позвонила по своему делу Мисюку. Я не была до этого лично знакома с Владимиром Николаевичем. Разговорились, он подкупил меня тем, что знает и любит Прасолова и особо ценит присланный ему из Воронежа том изданных мной писем поэта «Я встретил ночь твою...» (знакома ли Вам эта книга?).

В. Н. обмолвился, что сегодня он внимательно следит за тремя интересными ему поэтами: первое имя не расслышала, второе – знаю: В. Нервин из Воронежа, а третье – Ваше, Владимир Крюков. И тут я, как гоголевский герой, внутренне востропнула, ожила, закричала: «Вспомнила! Вспомнила!». Я действительно вспомнила два Ваших стихотворения, особо врезавшиеся в память, из той давней подборки. Одно – о Весне, похожей на картину Боттичелли, с зацветающей веткой в руке – что-то неповторимо-знакомое, по аналогии с «Сентябрём» Заболоцкого, где дан портрет девушки «с беспокойно скользящей улыбкой // на заплаканном юном лице».

Второе – совсем другое, без художеств, горькое и правдивое о нашей жизни – о сидящих в начальственных кабинетах и унижающих наше человеческое достоинство хамовитых «тётках» («тёты», как назвал их один современный поэт).

Я попросила Владимира Николаевича связаться с Вами – мне захотелось проверить своё первое сильное читательское впечатление – Книгой. Ведь одно дело подборка стихотворений, другое – Книга поэта – объёмное, цельное, удивительное образование, дающее более глубокое представление об Авторе...

...И вот Ваша книга, Ваш «Белый свет» – прочитан. Я читала её со смешанным чувством близкого сродства душ, восхищения и тайной грустью человека, вступившего на «дорогу не скажу куда».

В книге много по-настоящему замечательных стихотворений; я отметила для себя (и для читателя тоже), на мой взгляд, лучшие с художественной точки зрения. Перечислить все невозможно, поэтому назову самые-самые для меня: «И стала ты русской дриадой» – «с живым переплеском листвы»; «Пристань Нарым», где «две старухи за край земли, за край своей жизни глядели»; «Пред нами, так сказать, земля», где «в царской золотой пыли// колосья, вписанные в святцы»; «Из гуши света и тени», где «бедный мой, безоружный, // трепетный и жемчужный // мир, никому не нужный // кроме меня»; «Я наклонился завязать шнурок», «И блуждая далёким путём, возвратиться», где «наугад и на ощупь уходят деревья, пропадая из глаз»; «С мороза мама в дом вошла», «Этот пёс у забора...»; «А ведь Хлебников прав был...», «Почему бы не крикнуть тог-

да...»; «И занавеска, белая от страха...», «Памяти ушедших», «Закрыв Сенеку», «Глядишь зачарованно...», «Вот в листе возникло ликование...», «Я жду. Потихоньку включается звук», «Лист на ветру лопочет...»; «Сошли на нет мои дороги...»; «И здесь вот, у посёлка на краю...»; «Видеть тебя», «Мы тебе особый путь назначим...», «Музыка», «Ночь», «Ветер», «Грустно уже, увя...», где «волны идут как солдаты в затылок»; «Самую лёгкую дай мне рубашку...», в «Четверостишиях» – «Душа парила одиноко», «Я проснусь и глаза открою...», «Знаю необычайное...», «И на всё что ни есть смотрел он...»; «Октябрь», «Не отрицая власть судьбы»...

Рука не могла остановиться, выписывая всё новые и новые стихотворения, – по неожиданному смелому и одновременно точному образу, по мысли – не искусственно высосанной, а естественной и честной, по чувству – глубоко пережитому, искреннему и всегда – отменно лирическому.

Но Заболоцкий говорил, что нужно писать не отдельными стихотворениями, а Книгой (видимо, и читать, осмысляя прочитанное, тоже так), имея в виду необходимость авторского замысла, художественного строя, ключевых образов – символов, проходящих сквозь Книгу.

Далеко не всякое из энного количества книг и книжечек, изданных сегодня, может выдержать испытание такого рода.

Ваша – выдерживает.

Природа, Память, Время – вот тот оселок, на котором она держится, оселок Слова в традиции русской поэзии. Хочется чувствовать, переживать, думать, размышлять, соглашаясь или нет с автором, продолжать его мысль дальше...

Да, время не отбрасывает тени (есть в истории мировой литературы произведение философское о человеке, потерявшем тень, – у А. Шамиссо, и это трагичная повесть), но хочется добавить: если оно, это время, слишком современено, злободневно, конъюнктурно. Но если человек согревает его своею памятью, оно оживает – не через сухие факты и цифры. Поэт может оживлять время – через деталь, через вещь, как это замечательно делаете Вы в стихотворении о мамином пододеяльнике, так тонко, точно и сердечно передать вкус ушедшей советской эпохи века двадцатого, в котором мы жили... и о котором – не смеем, не должны забывать: это было бы предательством...

Точно так же как не можем и не смеем забывать ушедших, давно и недавно, дорогих нам людей, друзей, просто знакомых. Память об ушедших в Вашем «Белом свете» конкретна, тепла и горька. Ведь почти невозможно – так это трагично – сказать о том, кого знал живым, – мёртвым...

Но вспоминается Ахматова: «Живые с мёртвыми, у Бога мёртвых нет».

Вы как поэт движетесь в направлении этой мысли, что лежит в сердцевине русской классической традиции.

Мне очень по душе, как Вы умело, тонко, точно – через деталь, штрих биографии, цитату, вкрапленную в текст, в единственно верном найденном месте – вспоминаете тени великих ушедших поэтов. Нет, это не тени: это – настоящие, подлинные портреты Гумилёва, Хлебникова, Бунина, возникают ассоциации с Заболоцким (Ваша «Весна» и Его «Сентябрь», тоже навеянный Боттичелли, – «с беспокойно скользящей улыбкой // на заплаканном юном лице»). И даже с Прасоловым – я не ошибаюсь?

Всё это говорит о том, что Вы живёте и работаете не в провинции, селе, – а в пространстве Культуры и культурного словесного поля...

...На этом можно было бы закончить моё затянувшееся послание к Вам, да и авторучки нынче стали скверные, да и почерк у меня не лучший...

Но под занавес, как *deus ex machina*, вылезает критика. Чтобы сделать несколько замечаний Автору книги – на вырост, на будущее.

Первое: Вы неплохо чувствуете пространство лирического стихотворения – оно не должно быть затянуто длиннотами, провисать, пробуксовывать в середине, – но иногда пропускаете в концовке ту высшую космическую точку, на которой следует завершение.

На мой взгляд, стихотворение «И стала ты русской дриадой» намного бы выиграло без последнего катрена, «Дымом ли в облака» так и просится к завершению на «...Белым болит Пьета»; 12 последних строк – лишние; «Офорт» – без последнего катрена; «Весна» – без двух последних катренов... В этих стихах высший, самый высокий звук взят уже ранее и не стоит его опускать разьяснениями, повтором или длиннотами.

Второе: слишком много посвящений. Я понимаю: поэт хочет назвать по имени близких, дорогих ему людей, и в этом смысле лирика даже более открытый жанр, чем дневник, но она всё-таки предполагает неизмеримо тонкий и точный художественный такт в раскрытии собственной биографии автора.

Опыт классиков, и в первую очередь Пушкина, свидетельствует: «Я помню чудное мгновенье...» не требует посвящения: стихотворение перерастает имя прототипа, оно – о высоком общечеловеческом явлении Любви. Так же, как и в «Что в имени тебе моём...». Если поэт того заслуживает, то в его посмертной жизни все инициалы расшифруют биографы и литературоведы...

Третье: название такой замечательной книги могло быть сильнее. «Белый свет» – до чтения стиха «После операции» слабо улавливается смысл – прямой он или переносный...

Впрочем, название книги – это трудная проблема для каждого поэта. Хорошо, если найдено одно ёмкое слово: Столбцы, Камень, Чётки... и другие. Но это удел великих поэтов. Я помню, как мучился с названием для первой своей книги мой лучший талантливый ученик по Литературному институту, где я преподавала с 2006 по 2016 год, Константин Сюбаев. Просил ему помочь. Я предложила название «Сквозь вечер». Он принял его; тогда это мне казалось удачно найденным образом, теперь я думаю, что это – не лучшее для первой книги.

Заболоцкий дал для первой книги название «Столбцы», которое стало и открытием жанра...

Но – не буду углубляться. На этом закончу и так затянувшееся письмо. Ещё раз спасибо за присланную книгу – замечательную безо всяких оговорок.

С добрыми пожеланиями Инна Ростовцева.

P.S. Посылаю Вам редкую книгу поэта редкой оригинальности, невостреманного ни в 60-е, ни в 70-80-е, ни в 90-е годы. Я рада, что мне удалось ещё при жизни Олега Чухно издать эту книгу. Он её видел. Я не уверена, что это Ваш поэт, но и другое может быть интересно и полезно.

И.Р.

Дорогой Владимир Михайлович!

Я получила ваше письмо и, конечно же, Вашу новую книгу. Спасибо. Книга «Присутствие», как я понимаю, – это книга о присутствии человека в мире и о присутствии души, которая позволяет ему жить и выжить во внешнем – сложном до безумия – и внутреннем мире.

Когда я стала читать книгу по годам, как предлагает нам автор, ведь это своего рода Избранное, в основу которого положен хронологический принцип, то не могла отделаться от ощущения, что теряется новизна восприятия текста, точнее, притупляется. Возможно, в этом «виноваты» повторяющиеся – по звуку и смыслу – ностальгические ноты по ушедшему и уходящему времени, рефлексия, подтачивающая, разъедающая художественный строй стиха; возможно, что-то иное, и дело просто во вкусе читателя.

Но – подумала: надо читать книгу «Присутствие» вразброс – и не ошиблась: я встретила с неожиданностью – теми подлинными лирическими стихами, которые даруют нам присутствие в тексте и новизны, и «теплоты сплывающей тайны» (определение образа С. Аверинцевым).

Встреча с книгой состоялась. Вот эти стихи: «Уверяли меня: унизительна жалость...», «Во сне мы были у реки...» (здесь нет «скелетов воды»), «Как готы Алариха...» (замечательный образ), «И солнце, в последнюю силу играя» и – точная – на высокой ноте взятая концовка «Прощального слова» Европе – «под грома небесного сдержанный ропот, // под молнии – отсвет величья былого»; «Края жизни не видят глаза...» (удивительный образ воспоминания, где «на свежих зелёных холмах окликают ровесники-дети»); «Кузнечики как менестрели...» (эпиграф из Ломоносова, но вспоминается кузнечик Заболотского, наверное, потому, что пример из Природы «не потеряв лица и звука», лежит в традиции русской философской поэзии XVIII – XX в.); «Охотники на снегу» (я видела эту картину Питера Брейгеля в Венском музее и о своём впечатлении – потрясении от подлинника, не идущего в сравнение ни с какими копиями, я рассказала в «Венском дневнике», «Удивление», опубликованном в «Лит. учебе», 2015, №5; мне кажется, стихотворение намного бы выиграло, если бы закончилось на «И зимний день благополучно прожит, // и вся зима пройдёт как этот день», далее идут разъяснения, повтор, назидание, парит на крылышках мораль: «Да, хорошо, ей-богу, возвращаться...» и т. д.); «Когда вошёл Он в Гефсиманский сад», «Мне показалось я словно стал // на самом краю земли...» – просится название для двух этих стихов библейского цикла); «Пила-двуручка...»; «Венеция», «Мальва», «Соседский пёс»; «Сегодня мне другое видней...»; «Там, высоко над головой» (появление имени Тютчева здесь органично и естественно); «Мне снилось: на голом поле...»; «Небесная свежесть...» (где «ветром упругим, // к земле припадая, // трепещет душа...» – образ столь же свежий, сколько и пластичный: незримое – в зримом); «Как прихотливо сыплет снег...» (о зиме особенно много прекрасных строк: в книге человек и зима находятся в духовном единстве, взаимосвязаны); «Воробей», «Настаивалась и густела зелень...», «Август. Ночь»; «Избранных мало...»; «Врасплох застигнуты, стога...» прекрасный образ «А снег летит с больших

небес // на прошлый образ дня»: если бы автор написал на прошлый день, то было бы совсем не так сильно, смело и точно, как «образ дня»); «Я скоро пристанище это покину» (горькое искреннее признание); «И голос, как эта тёплая мгла...»; «И сердце застилает смутной тенью...» (тоска поэта о другом языке); «Памяти нашего кота», «Цветы картофеля...»; «Беспечные барды – поэты...», «Я не слышал, как стучают яблоки оземь...», «Никогда не забуду и это...», «Свет дневной в тишину перейдёт...» (что-то в этом стихотворении, особенно в концовке, напоминает интонацию Прасолова); «Есть нечто тайное...»; «И сегодня, если кто-то спросит...».

Чтение двух Ваших книг «Белого света» и «Присутствия» навело меня на размышление, которое оформилось в текст. Вы можете, если пожелаете, использовать его для публичного цитирования. По Вашему усмотрению.

Вот он:

Сегодня можно часто слышать: человечество ждёт новых смыслов. От кого? Конечно же, в ситуации века XXI-го – от политиков, учёных, деятелей культуры...

Но не будем забывать о том, что старые вечные смыслы не исчезают бесследно, а работают «на вырост» – в будущее.

Ещё в XVIII веке великий австрийский поэт Гёльдерлин говорил: «Поэзия есть словесное учреждение бытия. Следовательно, то, что остаётся, никогда не создаётся из преходящего».

Именно в ней, в поэтическом слове, следует искать и находить самые существенные, основополагающие смыслы, необходимые, как воздух, и отдельно человеку, и человечеству в целом, смыслы художественные, нравственные, исторические...

Говоря языком современного писателя (Александра Мелихова), подлинная цель / задача литературы – дать экзистенциальную защиту читателю от одиночества, тоски, неуверенности в себе, унижений и обид, страха смерти, скепсиса бытия...

Как ни один жанр литературы, подлинная поэзия может это сделать и делает не только вчера, но и сегодня. В этом убеждают стихи Владимира Крюкова из Томска – глубокие, искренние, самобытные. Он из той породы «русских второстепенных поэтов», в которой Некрасов, как мы знаем из истории отечественной литературы, разглядел далеко не «второстепенного» Тютчева, предсказав в нём поэта первой величины в будущем. А нам преподав урок (хорошо ли его мы усвоили сегодня?): подлинная поэзия не делится на провинциальную и столичную, традиционную (значит – устаревшую) и новаторскую (значит – новомодную).

Русская классическая традиция с её регулярным стихом, точными рифмой и строфикой, богатством содержательных смыслов свидетельствует и сегодня о том, что далеко не исчерпала своих возможностей: она продолжает развиваться, трансформироваться, обновляться. Выполняя свою главную трудную работу – говорить читателю на своём языке: «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь».

Такая поэзия продолжает нас удивлять: она живёт, дышит, учит. И стихи Владимира Крюкова, старые и новые, автора замечательных книг «Белый

свет» и «Присутствие» даруют нам эту радость удивления, открывая с новой стороны мир природы, мир чувства и мысли, память – о живых и ушедших, бесконечные закрома культуры (человеческое, слишком человеческое). Оберегая и защищая читателя от искусной фальши мнимых величин, ложных иллюзий, натиска «рекламных шагов» и завитков вокруг пустоты...

И это становится возможным потому, что происходит в подлинно художественном языке.

Философ называет это «доверительной беседой мышления с поэзией», и эта беседа «происходит для того, чтобы выявить существо языка с тем, чтобы смертные вновь научились проживать в языке» (Мартин Хайдеггер).

Не этому ли «проживанию» – от стиха к стиху, от книги к книге терпеливо и мудро учит нас современный сибирский поэт – по призванию и способу существования?

С добрыми пожеланиями Инна Ростовцева.

P.S. Мне очень близка тональность Вашей новой книги. Я старше Вас и «дорога не скажу куда» подошла ко мне вплотную. А, *боже мой* (Ваш возглас), столько всего незавершённого – и в земном, и в незримом...

И.Р.